
А. В. НИКИТИНА

*ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР О ФУНКЦИЯХ СВЕЧИ
В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ, В ГАДАНИЯХ И ПРИМЕТАХ НА БРАК*

Большинство славянских визуальных примет на брак, связанных с огнем вообще и с огнем свечи в частности, можно объединить в обобщающей сентенции «горящий огонь — к свадьбе», и относиться это будет прежде всего к приметам по снам, а также к объемной группе святочных гаданий со свечами, свечным воском, дымом и т. д. Во многом дублируя приемы расшифровки примет на смерть, толкование примет на брак учитывает и «язык» самого процесса горения (как горит, куда клонится пламя, цвет пламени, звук, с которым свеча роняет восковые капли, и т. п.), и «язык тела», то есть корпуса свечи (материал, из которого она изготовлена, форма, размер, цвет, а также изменения, происходящие при горении, наличие / отсутствие нагара и т. д.), а также количество свечей, задействованных в ритуале, их расположение в пространстве во время обрядового действия и многое другое. Однако при сравнении принимаемых к толкованию элементов в приметах на брак наблюдается не только явное преобладание таковых в количестве, но и большее их разнообразие и как следствие разнообразие приемов расшифровки. Все это позволяет предположить, что здесь восточнославянская традиция в большей степени, чем традиции южных и западных славян, сохранила древние формы представлений о функциональных особенностях свечи. Известные формы восточнославянских гаданий и блок верований вокруг венчальных свечей дают этому подтверждение.

«...Захожу в церковь и останавливаюсь у входа, потому что алтарная часть вся сияет ярко-ярко — море зажженных свечей... И свет такой горячий, золотистый... Медленно иду к алтарю. Все впереди светится: золотые огни на окладах икон, на царских вратах, на церковной утвари... Стою перед алтарем. Видимо, должна быть служба, а людей — никого. Выходит батюшка в таком... очень красивом облачении, сплошь расшитом жемчугом, золотыми нитями и драгоценными камнями. Он берет с небольшого стола, стоящего чуть в стороне справа, митру и надевает ее и говорит мне, чтобы я подала ему поручи...»¹ (рус.).

Приведенный фрагмент сна полностью согласуется с некогда приведенной Н. Ф. Сумцовым приметой: «*Яркий огонь* снится к свадьбе»,² приметой собственно лужицкой, но такое представление следует считать общеславянским. Разумеется, существуют толкования более конкретизированные, связывающие, как и в приметах на смерть, значение с действием, производимым над свечой или с материалом, из которого она изготовлена: «зажигать свечи — брак в недалеком будущем»³ (рус.), «свечи восковые — радость, горящие — свадьба, сальные — неприятность»⁴ (рус.) и т. д.

¹ Авт. архив, зап. 1989 г. от Н.А. 29 лет, Ленинград; фрагмент записи сна, расцененного информанткой как предвестье ее скорого выхода замуж.

² Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. М., 1996. С. 76.

³ Новый полный сонник. М., 1908. С. 95.

⁴ Полнейший сонник. М., 1901. С. 90.

Среди не имеющих отношения к снам бытовых примет на брак встретилась одна, предвещающая жениху грядущие неприятности, она указывает на довольно специфическую особенность внешности потенциальной невесты по внешней характеристике горящей перед ним свечи: «Нагорела свеча — долгоногая невеста будет»⁵ (рус.; интересно, что данная примета «работает» только в одну сторону: женихов предупреждает об изъяде невесты, но невестам не сулит ничего).

Разнообразие практикующихся у славян гаданий на брак, связанных с огнем и непосредственно со свечами, достойно восхищения и в целом подтверждает мысль о главенствующей роли огня в создании, поддержании и продолжении человеческой жизни.

Всем индоевропейцам хорошо известен способ гадания по характеру пущенных на воду плавающих предметов: брошенных в реку венков, букетов, банных веников, хлебных изделий и в числе прочего *свечей*, укрепленных на какой-либо основе. Свечи здесь, как правило, представляют собой как самих участниц гадания, так и объект их притяжения, нередко абстрактный, и предметом толкования о будущем браке является «поведение» свеч. Так, воссоединение двух свечей несомненно предвещает скорую свадьбу: «...делают маленькие восковые свечки, прилепляют их на тонких маленьких лепешках, тоже из воска, носящих название ⟨имя⟩ загадывающих особ; по зажжении свечек спускают их в воду, налитую в чашу, осторожно, чтобы не потонули; оставленные сами себе, они плавают на поверхности; две сплывшиеся одна с другой означают, что и особы, на них загадывавшие, скоро также будут жить в паре»⁶ (укр.; аналогичную трактовку этого гадания приводит и Н. Ф. Сумцов: «Встреча двух свечей, пущенных на воду, означает брак»⁷).

При другом святочном гадании, которое представляется более древним, чем предыдущее, на первый план выходит традиционная жеребьевка: «Берут скорлупы грецких орехов, режут восковые свечи на маленькие кусочки и пускают скорлупки со свечками плавать в чашу с водой. Каждая из девушек зажигает свечи своей скорлупы. Замечают: которая потонет — умереть незамужнею; которая сгорит раньше всех — та прежде всех выйдет замуж; у которой горят дольше всех — замужем не бывать»⁸ (подчеркнем, что, так же как и в предыдущем, в этом гадании использовали именно восковые свечи). В сущности свеча и здесь представляет гадающую, но вместо наблюдения за тем, что происходит с несущим свечу «корабликом» (потонет — не потонет, подплывет — отплывет, встретится — не встретится), девушка прежде всего наблюдает за тем, как горит ее свеча.

В ряде гаданий свеча использовалась как ключевой элемент, без которого гадание было бы невозможно, что, кстати, нередко подчеркивалось и названием гадания, например, наряду с распространенным «смотреть в колечко» говорили еще «гадать на свечи»: «На свечи гадали в любую коляду. Ставится зер-

⁵ *Кульматов В. А., Кульматова Т. В.* Русские народные приметы и поверья. СПб., 1997. С. 82. — Если судить по народной физиогномике, долгоносость отнюдь не является положительной характеристикой, особенно если характеризует потенциальную жену, поскольку нес традиционно соотносится с «материально-телесным низом» и прогнозирует либо возможные в будущей семье интимные проблемы, либо проблемы семейного «климата»: долгий нос обещает несносный нрав (сварливость, гневливость, хитрость и т. д.), вплоть до проявления ведьмовских замашек у молодой. Аналогию между нагоревшей свечой и дурным нравом можно найти и в поговорках, например: «Сидит, как нагорелая свеча», то есть угрюмо, насунив брови (*Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 1957. С. 867).

⁶ *Кавелин Л.* Гаданья малороссийского народа // Маяк. 1844. Т. XV. Раздел «Смесь». С. 31—35. — Цит. по: *Гладких Е. П.* Лев Александрович Кавелин (архимандрит Леонид). К 175-летию со дня рождения // Живая старина. 1997. № 1. С. 19.

⁷ *Сумцов Н. Ф.* Символика славянских обрядов. С. 76.

⁸ Энциклопедия суеврий / Сост. Э. Рэдфорд, М. Рэдфорд (англ. суеврия), Е. Миненок (рус. суеврия). М., 1995. С. 407.

кало, две свечи в 12 часов ночи. Ложут под низ белой кусочек бумаги. Попел березовых дров сыпется; ставится стакан тонкого стекла; наливается ключевая (или светлая) вода. Туда опускают кольцо — золотое или серебряное. Сядишься и глядишь у тот стакан: Ряженный-суженый, вылези з лужины, На берягу отрясися, И ко мне принясися. Некоторые видели: некто в воде боўтаўся. Нинка Лявонова Сергея [будущего мужа] видела»⁹ (Витеб.). В данном случае свечи организуют пространство гадания и регламентируют время — как свечи потушены, так и гаданию конец. В других вариантах активную роль мог играть не только огонь / свет свечи, но и ее воск: «Колечко в стаканчик или в блюдечко клали. Поставишь свечку перед ним. Это в особой половины [избы] делали: огня чтоб не было. Зеркальце передо мной. Я и гляжу. Свечку кану [капну] я туда в стакан-то. Свечка если сойдется с колечком, с человечком [в зеркале], за того и замуж иди...»¹⁰ (Ленинград. обл.). В этом варианте гадания можно считать сразу несколько значимых элементов: зеркало, вода в стакане, кольцо и т. д., но именно свечной воск (= свеча) оказывается здесь элементом ключевым — он, как уже ранее случалось, представляет гадающую, и только его совмещение с увиденным объектом (с суженым) является решающим для прогнозирования брака.

При «смотре в кольцо» нередко складывался довольно впечатляющий набор определенных элементов, вместе создающих необходимые условия для того, чтобы гадание совершилось, например: кольцо должно было быть обручальным; свеча — лучше всего церковная; пепел или зола — с березовых дров; вода использовалась ключевая; стакан нельзя брать граненый; а смотреть нужно было только через левое плечо... К этому добавляются соответствующая организация пространства и места, необходимая, хотя бы внешняя, подготовка гадающей (снятие креста и пояса, расплетение косы...), использование принятой формулы вызова и т. д. «В кольцо смотрели. Надо брать кольцо, каким венчались в церкви. В стакан воды наливали — а стакан не граненый, а тонкий — и кольцо опускали. Трубу открывают, а стакан ставят на шесток — золы посыплют и на нее ставят стакан. Берут подвенечную скатерть, где сидели молодые, за которым столом, — этой скатертью закроешься, а по-за стакану *церковная свечка*. И смотри в стакан и говори: „Черт, дьявол, покажи въяво: кто мой жених?“ — смотри в это кольцо, пока не увидишь. А я ведь увидела своего — вижу, сидит боком, в гимнастерке — вот как мой Павел Афанасьевич с войны вернулся, так и увидела. Я хотела девчонке показать, а она подошла — а надо через левое плечо смотреть, а она через правое посмотрела — оно и растаяло...»¹¹ (Поветлужье).

⁹ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой / Сост., подгот. текстов и справ. аппарат В. Д. Кон. СПб., 2004. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Экспедиционные материалы // Живая старина. 1997. № 1. С. 42. — Непременное условие при гадании, чтобы беспрепятственно увидеть судьбу, — глядеть «через левое плечо» — мотивировано тем, что «иной» мир представлялся миром отраженным, и взгляд или движение *слева направо* или *справа налево* открывает или закрывает контакт, воздвигая или разрушая границу между мирами. Это неоднократно фиксируют мифологические рассказы про установление санкционированных контактов с нечистой силой или со стихийными духами. Примером может служить быличка о колдуне, показывавшем любопытствующему своих помощников: «Один крестьянин в Усть-Кошве, желая посмотреть на чертей, обратился с просьбой к колдуну, у которого бесов было много. Пошли в баню. Колдун, наговоривши, что надо, и почитавши в черной книге, говорит: „Посмотри через мое левое плечо в озеро на воду“. Посмотрел тот и увидел разные огоньки — зеленые, желтые, красные... Что было дальше, он не мог объяснить, потому что сильно испугался и убежал домой» (Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. СПб., 1995. С. 357. Печора). Отраженностью или перевернутостью «иного» мира объясняется и большинство странных для неподготовленного ритуальных приемов, способствующих проникновению взгляда за разделяющую грань. Например, смотрение, нагнувшись, между собственных ног (с порога, с лестничной ступени, с пня или другого неслу-

То, что девушка наблюдала во время гадания, совсем не обязательно принимало ожидаемую форму (хотя волнующие рассказы о том, как гадающей показались именно ее жених, составляют подавляющее большинство описаний), вместо видения суженого мог появиться знак, требующий последующей расшифровки. Так, например, одной девушке привиделось в зеркале, «как чья-то рука поставила седьмую свечу», а позже выяснилось, что в семье мужа она стала седьмым человеком¹² (свеча соответственно явилась в данном случае символическим двойником гадающей); а парню, принимавшему участие в гадании с зеркалом [на брак], довелось «высмотреть себе» смерть, но понимание того, что было им увидено, пришло к потерявшим приятеля участникам гадания уже *post factum*: «Антошка Андреев посмотрел в зеркало. „Ой, — говорит, — какой синий мужик!“ — и бросил зеркало. Домой пришел, заболел... Поболел и помер»¹³ (Арханг.; синий мужик — это тот же покойник). Приведенный пример дает понимание того, насколько естественно отождествлялись в народном представлении брак и смерть, а также и то, что оба эти переходных момента человеческой жизни определялись судьбой.

Гадание с зеркалами (чтобы не во сне, а «въяво» увидеть свою судьбу) считалось очень опасным способом, особенно такое, как известное «гадание Светланы» с приглашением суженого на ужин вдвоем при свечах, которое повсеместно называли страшным (ср. с англ. приметой: «Увидеть свое лицо в зеркале при свечах — к несчастью»¹⁴). Визуальные впечатления, как известно, гораздо сильнее слуховых («лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»), тактильных и прочих, а зеркало как видимая, реально воспринимаемая граница между миром этим и потусторонним должно было многократно усиливать в гадавшем ощущение собственной незащищенности.¹⁵

Любое гадание совершается в пространстве, понимаемом как нечистое, пограничное, в таком легче вступить в контакт с нечистой силой, но важно также и понимание того, что человек в это время и в этом месте по сути дела отдает себя во власть «иноного» мира. А многочисленные описания гадания с зеркалом

чайного места) или такой прием «сфокусировки», как пристальное глядение во время гадания в воду, в зеркальный «туннель», через «дирочку» (в хомут, бублик, рукав, отверстие от выпавшего сучка и т. п.) и др. По этой же причине и суженый, на которого загадывают, появляется в зеркале, как правило, из-за спины, а еще точнее — из-за левого плеча гадающей, например: «... кладется хомут, в него ставится зеркало „в наш рост“, а второе зеркало — себе на левое плечо. Смотрим в то, а тебе покажется в которо на плече. Пришли мы в пугу избу — пятистенок. Я только зеркало положила, мой жених сзаду и подходит. Я рванула, чуть зеркало не разбилось...» (Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 100. Новгород).

¹² Разумова И. А. Ониромантическая символика брака, рождения, смерти в современных устных рассказах // Сны и видения в народной культуре / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2002. С. 293.

¹³ Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. С. 97.

¹⁴ Энциклопедия суеверий. С. 149.

¹⁵ Гадание на зеркалах — изобретение нерусское, оно было завезено к нам из Западной Европы приблизительно в конце XV в., во времена Ивана III, вместе с зеркалом в его современном виде (то есть на основе полированного стекла и металлической пленки). До этого времени, по мнению археологов, зеркала в домашнем обиходе русских были редкостью, но не потому, что Древняя Русь не была с ними знакома (первые упоминания о зеркалах на Руси встречаются в древнерусских письменных источниках XI в.), видимо, простое отношение к зеркалам в немалой степени связывалось с представлениями как о пограничной сущности зеркала, так и о его дьявольском происхождении, отчего, как считали староверы, «зеркало держать в комнате — грех» (Забьлин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 265—266. — Дается легенда ообретении зеркала из «рук» дьявольских). Об опасном характере сего предмета, который может похитить душу смотрящегося в него человека, предупреждали верования многих народов, ибо зеркало, как писал Б. Уолкер, «...рассматривалось как точка космического пересечения, которая давала доступ в другой мир, и считалось возможным, что человек мог исчезнуть в глубинах зеркала или что дух мог выйти из него и унести человека в незнакомый мир...»

(или с зеркалами) дают яркое, фактически «наглядное» (ведь все происходит прямо на глазах) ощущение вскрытия, уничтожения этой границы, причем по собственному требованию гадающей. Как писала С. М. Толстая, девушка в такой момент смотрит «как бы сквозь зеркало, прямо в тот свет...»: ¹⁶ «...Ровно в 12 часов ночи начинается гадание. Большое зеркало ставят на столе, против него маленькое; гадающая садится перед зеркалом, обставленным свечами (...) смотрит в зеркало. В это время в большом зеркале начинают показываться одно за другим 12 зеркал. Как скоро будут наведены зеркала, то в последнем из них отражается загадываемый предмет...» ¹⁷ (рус., зап. XIX в.); «...как 12 часох: девки две-три, а может, и одна расплетает волоса, ставит зеркало, зажигает три свечки, стоит без кряста и глядит в его зеркало. Появляется в енто зеркало лес, желтый пясок и тропа по етому пяску, а ближе мосточки. По етым мосткам слазает такой бравый парень — тут закрывай ету зеркалу... Это же мы врага вызываем: без пояса, без кряста и волосы распущены наперед...» ¹⁸ (зап. 1987 г.); «...девица приходит в пустую комнату одна, принеся с собою два прибора, зеркало и свечу, ставит все оное в порядке на стол и, сев против зеркала, гадает: „Суженый, ряженный, приди ко мне ужинать“. Минут за пять перед его приходом начинает зеркало тускнеть, а девушка протирает его нарочно для того изготовленным полотенцем; наконец, придет некто и смотрится через ее плечо в зеркало; и когда невеста рассмотрит все черты на его лице, тогда закричит: „Чур сего места!“ — то дьявол тот, который принимал на себя образ ее жениха, исчезнет...» ¹⁹ (конец XVIII в.).

Зажженные *перед/около/по обе стороны зеркала* свечи (в разных вариантах гадания их количество может варьироваться: «ставится зерькало, две свечи...», «с обеих сторон зеркала поставили зажженные свечи», «приносит... зеркало и свечу», «ставит зеркало, зажигает три свечки...», «садится перед зеркалом, обставленным свечами...» и т. д.) оказывались безусловно необходимым ключевым элементом — без свечи, как источника света, не могло возникнуть ни очерченного сакрального пространства гадания, ни затягивающего в свою глубину зеркального туннеля: «...из направленных зеркал... образовался длинный коридор, освещенный огнями»; ²⁰ собственно говоря, увидеть что-либо без горящей свечи было бы весьма затруднительно. ²¹

Следует отметить то, что обычно предполагается, но опускается в большинстве описаний этого гадания, а именно — предпочтение явно отдавалось свечам восковым: «...На середину комнаты ставили два стола, а на каждый из них — по большому зеркалу, перед которым зажигали *восковые свечи*. Гадающая... садилась между столами и ждала полуночи, когда в зеркалах должен был появиться ее жених...». ²² Редко, но все же отмечается желательность не просто восковых, но церковных свечей. Недавнее объяснение такому выбору выглядит очень простым и прозаичным: когда берешь церковную свечу, больше шансов, что она окажется восковой. В том, что для использования в гадании церковную

¹⁶ Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования, текст, ритуал. М., 1994. С. 123.

¹⁷ Энциклопедия суеверий. С. 150 (со сноской на «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (1885 г.)).

¹⁸ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней... С. 109.

¹⁹ Чулков Д. М. Абевага русских суеверий. М., 1786.

²⁰ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 24.

²¹ При отсутствии свечи для такого гадания пользовались лунным светом: «...ходили на перекресток с зеркалом и наводили его на луну, приговаривая: „Суженый мой, ряженный, выйди до мене, поговори со мною“. Жених должен был появиться в зеркале» (Гольцман Е. Е. Дурной глаз и порча. М., 1996. С. 133). Интересно, что данное гадание сохранило неизменным ритуальное действие: свечу, как некогда луну, *ловят* зеркалом, зеркало на нее «наводят» («когда гадаешь, зеркало нать навести на свечу...»), хотя расположить свечу по отношению к зеркалу представляется действием более естественным и простым.

²² Гольцман Е. Е. Дурной глаз и порча. С. 132.

свечу предпочитают любой другой, есть нечто большее, чем просто поиск «настоящей» (не стеариновой и не парафиновой) свечи, — церковная свеча как побывавшая в храме уже исходно обладает некоторой освященностью, даже если она и не была задействована во время службы. Свечи же, горевшие во время богослужения, соответственно обретают особую магическую силу, и по этой причине оказываются для гадания наиболее подходящими. Может показаться, что использование в гадании освященных свечей выглядит и святотатственно, и нелогично — получается, что освященная свеча провоцирует видение «от нечистого»: «На зеркало ворожба [на Новый год]: берешь две всенощных свечки, страшные [страстные]. В нежилой дом иди до двенадцати [часов]. И к порогу — спиной, и в зеркало глядеть треба [свечи зажжены по обе стороны от зеркала]: и если покажется кто, зеркало накрывай... *Это же страсти свечки, оны и подають. Нечистым духом это ўсе деется...*»²³ (Брян.). В действительности же это лишь свидетельство того, что с помощью освященной свечи (легче, лучше, качественнее?) устанавливался контакт между мирами.

Возможно, что представления о защитной функции горящей свечи в гадании с зеркалом оказались на определенном этапе недостаточно четкими и убедительными или вообще перестали быть достаточными, но так или иначе в ритуал ввели такое дополнительное средство защиты, как очерчивание. В некотором отношении оно воспринимается как дубляж защищающего действия круга света от горящей свечи, так как очерчивание происходит зажженной лучиной,²⁴ причем не первой попавшейся, а той, например, которой зажигали огонь в Рождество, что, как считалось, повышало шансы на удачное гадание: «В Сибири ставят два зеркала одно против другого; перед одним девушка ставит две свечи на стол, а другое зеркало уставляет за собою; таким образом поместившись между двух зеркал, очерчивается вокруг себя зажженной лучинкою, которой был зажжен огонь в сочельник, глядит внимательно в поставленное перед собою зеркало. Тут непременно покажется суженый, который будет глядеть через плечо девушки. Нужно вовремя зачураться, а не оглядываться...»²⁵ Надо сказать, что лучина, хотя и в меньшей степени, чем свеча, но тоже довольно активно использовалась в гаданиях на брак, так, например, у В. И. Даля говорится о том, что слушать под окна в Святки ходили как раз с *обожженной лучиной* и по услышанному разговору «заклучали о замужестве и о судьбе своей».²⁶

²³ Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней... С. 60—61.

²⁴ «В первый день Рождества *засветят лучину* и ходят с огарком зачерчивацца в поле...» (Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий. С. 340). Очерчивание при гадании магического круга (иногда троекратного) обычно совершается с помощью обгорелой лучины (головни), рябиновой палки, восковой свечи или железного орудия: ножа, топора, сковородника и т. п. Эти атрибуты, сакральные сами по себе, маркированы вдобавок сакральными же знаками: если при очерчивании используется лучина, то это *перволучина*, горевшая накануне нового года и *обожженная с обоих концов* (Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2: Былички, бивальщины, легенды, поверья о людях, обладающих магическими способностями. Петрозаводск, 2000. С. 255). О запрете жечь лучину с обоих концов, бытующем, в частности, у белорусов, потому что огарками такой лучины может воспользоваться нечистая сила, чтобы подступить к человеку, упоминает, например, Д. К. Зеленин (Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 312). В качестве иллюстрации к этому запрету можно привести быличку про парня, спасенного ангелом-хранителем в самый последний момент, когда его чуть не схватили ведьмы, воспользовавшись початыми с двух сторон лучинками (Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1994. С. 241). Об очерчивании головней упоминает и П. С. Ефименко: «Русские, гадая группами во время Святки на перекрестках, делают вокруг себя черту жженым поленом или головней: нечистая сила не может перейти такой черты» (Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской обл. М., 1878. Ч. 2. С. 164).

²⁵ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 23—24.

²⁶ См. об этом: Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. С. 770, 771, 931.

Святочное гадание «лучиною» (правда, это гадание не на брак, а на жизнь: «проживет ли [гадающая] этот год?») было одним из самых известных; девушки жгли намоченные лучинки, и по тому, как лучина примется и как горит, каждая судила о жизни и здоровье, ожидающих ее в грядущем году: «...взяв в руки березовую лучину, [девушка] бежит к роднику... или к колодцу, мочит эту лучину и, возвратившись домой, зажигает ее на огне; у которой скоро загорится она, то это знак долгой жизни, а у которой не загорится вовсе, то умрет; у которой будет гореть с треском и гореть не особенно ровно, то в течение года гадающая будет хворать»²⁷ (такое гадание явно предшествовало гаданию по пламени свечи).

Еще об одном старинном, если судить по тому, что в нем задействована льняная пряжа, гадании с лучиной упоминает в своей книге Н. А. Криничная: льняной пряжей или паклей «обвивают один из концов лучины, другой конец которой втыкают вертикально между половицами (в западнославянской традиции нити из льняной пряжи в аналогичном гадании свисают с потолка). Лучину зажигают. Догорая, она наклоняется в ту или другую сторону — оттуда и следует ждать суженого»²⁸ (вариант: «когда намотанная на лучину и зажженная кудель догорит, замечают, куда полетят ее остатки: к дверям — скоро будут сваты, в сторону от дверей — тщетны ожидания»).

Гадание, в котором наблюдают за тем, куда склоняется догорающая лучина или свеча или за направлением отклонения пламени (и даже фитиля горящей свечи), было достаточно распространено не только у восточных, но и у южных славян, и оно считалось очень точным. Так, например, в Боснии и Герцеговине примечали, куда «смотрит» фитиль или куда клонится пламя рождественской свечи: если пламя к востоку — это к добру, пламя к западу — к болезни скота, кверху — к урожаю жита.²⁹ У македонцев также принято было гадать в рождественский сочельник по пламени свечи, но следили уже не за его направлением, а за характером горения: сидя за праздничным столом, каждый из домохозяев наблюдал за огнем своей свечи — весело горит, то есть ярко, или «утулено» (слабо). Для того, чья свеча «највесела» (самая яркая, «веселая»), год будет удачным, он будет первенствовать во всем и будет веселее всех в грядущем году.³⁰

У русских при толковании результатов наблюдения за пламенем свечи сложились вполне устойчивые соответствия:

— тихое пламя означало тихую, размеренную жизнь, без особых волнений и неудач;

— более яркое пламя с «перемигиванием» сулило жизнь более разнообразную, не лишённую перемен;

— очень яркое пламя с потрескиванием — жизнь очень бурную, интересную, полную приключений;

— тусклое пламя указывало на жизнь печальную и недолговечную...³¹

При всем том учитывались не только яркость или тусклость горения, но и каков цвет пламени: красное пламя — к горю, желтое — к радости, пламя цвета червонного золота — к очень хорошей жизни, пламя с копотью — к несчастью³² (подобное толкование было принято и при гадании по огню лампы). Стоит подчеркнуть, что свечу для такого гадания изготовляли собственными руками из чистого желтого пчелиного воска, а на фитиль для нее шел самый

²⁷ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. С. 20.

²⁸ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. С. 99—100.

²⁹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 446.

³⁰ Там же. Т. 1. С. 348.

³¹ Русское колдовство, ведовство, знахарство / Сост. М. Северов, Н. Ушаков. СПб., 1994. С. 55—56.

³² Там же.

лучший лен, и именно такая свеча называлась свечой «воска ярого». В большинстве случаев на таких свечах девушки гадали на судьбу под Новый год и накануне Ивана Купалы. Подобное гадание, по уверениям В. И. Даля, еще в конце XIX в. было широко распространено на Украине и на юге России. Гадали «преимущественно поздно вечером, предварительно умывшись, причесавшись и переодевшись в чистое платье. Свечу, если готовят сами, то это делают тайно от всех домашних, и свечу во время гадания ставят не в металлические подсвечники, а в деревянные и обязательно орехового дерева или карельской березы и не бывшие в употреблении».³³

Кроме наблюдений за тем, куда клонится пламя свечи, какой цвет приобретает оно при горении и как горит, можно было толковать будущее даже по «голосу» свечи, то есть по звукам, с которыми падали в подставленную чашу с водой капли воска: «...берут восковую свечу с толстым фитилем, длиною в четверть локтя, прилепя ее одним концом к потолку избы, под ней ставят миску воды, после чего зажигают свечу с нижнего конца; тающий воск, сплывая каплями в подставленную чашу, издает различные тоны, то короткий-урывистый, то снова протяжный; первый означает слово „нет“, второй — „пойдет“». По заpalении свечи одна из загадывающих особ спрашивает: «Скажи, свечка, такая-то дивчина выйдет ли в будущем году замуж?» Если тон капли тающего воска будет протяжный, ответ утвердительный, если короткий — противоречащий³⁴ (укр.; ср. с приметой сербов-икавцев Боснии: «год будет плодородным, если с *рождественской свечи* обильно капает *воск*»³⁵).

Литье расплавленного воска на Святках — один из известнейших способов гадания, но роль свечи в нем сводилась к минимуму, так как она являлась только поставщиком материала, а толкованию подлежали лишь причудливые формы, которые принимал, застывая, вылитый в воду воск. Так, например, в Рязанской губернии, гадая о будущем на Крещение, в прорубь опускали крест, *наклоняли к воде несколько свечей* и по очертаниям *застывшего воска* судили о событиях года.³⁶

Завершая разговор о гаданиях на брак, упомянем распространенный ритуальный прием, к которому прибегали девицы «на выданье» по всей России, — поставить с молитвой или приговором «умиловительную» свечу о хорошем женихе перед иконой Параскевы Пятницы или перед иконой Покрова Пресвятой Богородицы, которые традиционно считались покровительницами брака: «Батюшка-Покров, мою голову покрой. Матушка-Пятница Параскева, покрой меня поскорее...» Свечу к иконе Покрова шли ставить рано поутру в самый праздник, «причем повсюду, — писал С. В. Максимов, — сохраняется уверенность, что девушка, первая поставившая свечу, и замуж выйдет раньше всех».³⁷

Горящие свечи, ставившиеся к образам, были не только средством, устанавливающим (и поддерживающим) контакт просящего с Богом, Богородицей или святыми («То пред образом ли бладычным свещи топлятся, / Перед Спасом ли милостливым да молятся?...»³⁸), но и «воздаянием чести», и даром-угождением, подносимым молящимся святому патрону с целью умиловить его или отблагодарить: «... Попрошу-то я Бога от желаньца / Да святых я от усердия, / *Поовещаю-то* <т. е. пообещаю> *я свеченьки рублевыи...*»³⁹

³³ Там же.

³⁴ Кавелин Л. Гаданья малороссийского народа. 1844. — Цит. по: *Гладких Е. П.* Лев Александрович Кавелин (архимандрит Леонид)... С. 19.

³⁵ Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. С. 442.

³⁶ Там же. С. 444.

³⁷ Максимов С. В. Нечистая, неведома и крестная сила. СПб., 1994. С. 419.

³⁸ Русские плачи. М., 1937. С. 133

³⁹ Там же. С. 101. — В одном из бытовых рассказов встретилось весьма впечатляющее по своей яркости и простоте объяснение того, чем собственно является затепленная перед иконой свеча. Монах спрашивает послушника, отчего это свечники в храме к иконе преподобного Евфимия никогда свечей не ставят: «Ризою... украсили, а *свечки не ставят*. Это все равно

Случалось, что к мученице Параскеве как к покровительнице браков обращались с просьбами, весьма далекими от того, чтобы их можно было назвать добрыми. Даже в песенных текстах можно отыскать отголоски старинного магического обряда, связанного с мезьей и наказанием врага при помощи свечи: брошенная девушка обращается к Пятнице с молением о смерти соперницы, ставя ей свечу, правда, *зажженную* иначе, чем обычно, верхним концом вниз. «Я пойду, млада, на новый базар, / Я куплю, куплю алтынную свечу, / Я поставлю перед Пятницею: / „Ты гори, гори, алтынная свеча, / Ты умри, умри у милого жена!” / Изгорает алтынная свеча, / Умирает у милого жена...»⁴⁰ В этом фрагменте просматривается не только обряд «задушной», или «забидящей», свечи,⁴¹ знакомый русской, украинской и сербской традициям (не надо путать «задушную» с «задушничей» — поминальной свечой, характерной для северо-восточной Сербии⁴²), здесь отчетливо видна образная параллель ‘человеческая жизнь — горящая свеча’, связанная с представлением об огненной природе души.

Подобным образом («вверх ногами») свечу ставили и для того, чтобы приворожить кого-либо. На купленной для этой цели церковной свече выцарапывали имя возлюбленного, а затем ставили ее на канун — обычное для поминальных свечей место. Тот, на кого «поставили» такую свечу, должен начать тосковать по любящему его человеку и искать с ним встреч⁴³ (зап. в Москве в 1983 г.).

Власть над соперницей или над любимым, добытая посредством особых действий со свечой, была известна не только славянам. Свообразный способ

*что надеть... драгоценную одежду, а хлеба не давать» (Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. М., 1998. С. 28). Существует немало рассказов о выражении почитания святых через установление или обещание к их иконам свечей, в них почти всегда подчеркнута нравственная основа действия: свеча к образу хороша, когда поставлена от чистого сердца и не связана с помыслами о дурных делах, в противном случае она оказывается не таким уж благом подношением. Так, например, в одной сказке вор, спасаясь от погони, обещает в случае избавления поставить Николаю Чудотворцу свечу: «...а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: „Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня — я тебе гривенную свечку поставлю”. Вдруг ниоткуда взялся-предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: „Что ты теперь говорил?” Вор отвечает: „... „Батюшка отец Николай, сокрой меня в этой глуши». И обещался ему свечку поставить. Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: „Если хочешь, полезай в это падалище!” А тут неподалеку лежала падаля... [а старичок в ту же минуту невидим стал]. Вор спасается в падали, с трудом пересидев погоню в страшном зловонии [такой гнилостный дух!]. «Вылез оттуда и видит опять того же старичка — стоит неподалечку да собирает воск». {...} Старичок снова спросил, что именно вор обещал святому Николаю, и на повторенный ответ об обещанной свече сказал: „То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи”. {...} Дал наставление, чтобы тот помнил и другим заказал: *никогда не просить Господа Бога и святых его угодников на дурные дела, потому что Господь не благословляет дурных дел. И скрылся из глаз...*» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957. С. 270, № 451, Перм.).*

⁴⁰ Русские народные песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. М. Н. Сперанского. М., 1929. Вып. 2. Ч. 2. № 2533.

⁴¹ Напомним, что в старину, произнося проклятье на погибель врага, считали необходимым погасить затем зажженную свечу. У А. Н. Афанасьева читаем: «В настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставят в церкви перед образом *забидящую* или *задушную свечку*, которую нарочно зажигают с нижнего конца или, ломая ее пополам, затепливают с середины (Саратовские губернские ведомости. 1851. С. 29). С той же целью русским населением Подлясья принято ставить свечу перед иконою Божьей Матери с тайною мольбою: „*да истает враг* так же, как *эта восковая свеча!*»» (Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 3. С. 201—202, 203. Ср. с современной записью конца XX в.: «...записан обряд изведения человека, связанный с огнем: „Свечку вверх ногами поставлю: <Как свеча тает, так и ты истаешь>»» (Мазалова Н. Е. Народная медицина локальных групп Русского Севера // Русский Север. СПб., 1995. С. 64).

⁴² На остальной территории Сербии такую свечу называли «клетвена». См.: Славянские древности. М., 2004. Т. 3. С. 680.

⁴³ Цит. по: Энциклопедия суеверий. С. 402.

знали, например, девушки Северной Англии, «пригонявшие» к себе запаздывающего на свиданье (или загулявшего на стороне) молодца при помощи прокалывания булавкой горящей свечи. Так, в одной из историй про служанок из Дарема рассказывается следующее: «Одна [из служанок] заглянула в сундучок другой и увидела там свечу, истыканную булавками. Она спросила хозяйку сундучка, что все это значит. „О, это для того, чтобы привести ко мне моего милого, — ответила та. — Понимаешь, иногда он идет ко мне слишком медленно, и тогда я втыкаю в свечу булавку, чтобы немного его подогнать”».⁴⁴

Почти на всех этапах восточнославянского свадебного обрядового комплекса просматривается полифункциональная работа свечей: они могут защищать как молодых от окружающих, так и окружающих от молодых; и не только защищать, но и очищать (например, как молодую, входящую в новую семью, так и эту семью от молодой, если та оказалась «нечестна»); могут регламентировать время и пространство обрядового действия; маркировать различные обрядовые объекты (как живых, так и предметы); репрезентировать молодых и прогнозировать их будущее и т. д. Можно если не проследить, то хотя бы обозначить проявление упомянутых функций, «пробежавшись» поверхностно по основным ступеням традиционной восточнославянской свадьбы.

1. Сватовство. — Сговор. Есть свидетельства, что во Владимирской губернии еще в ожидании ответа от сватов в доме жениха перед образами *зажигали свечу* («Дай, Бог, чтобы дело сладилось!»). После положительного ответа собирали родственников на «рукобитье» к невесте для закрепления конечного согласия. В доме невесты также *затепливали свечу* перед образами, как бы освещающая предстоящее событие⁴⁵ (данные АРЭМ). И в Олонецкой губернии было принято во время сватовства *зажигать свечу* перед образами, так что совсем не напрасно пели в старинной частушке: «Иду домой — огни горят: сватают, пропить хотят».⁴⁶ Устраивать общее моление с целью закрепить договор было принято фактически повсеместно, не говоря уже о том, что такое важное дело, как свадьба, невозможно было начинать, не помолившись. Следовательно, сговор начинался с зажигания свечей перед образами: «Нуте-ка же Богу молитца — палити-ка свечку! Ну, сватьтика, дай жа Бог свадьбу сыграть...»⁴⁷ (Смолен.); или же как вариант, когда достигали окончательной договоренности и должны были закрыть («завесить») невесту, обязательно зажигали свечу. Таким образом, «затепливание» свечи входило в ряд ритуальных действий, составлявших суть сговора, это четко прослеживается в рассказах, записанных от крестьян, помнящих, как прежде играли свадьбы. Так, например, в Вологодской губернии «мужчины, сват с женихом и отец невесты, сговариваются степенно, помолются, затеплют свечу под иконами, дадут руки друг другу, отец

⁴⁴ Там же. С. 403. — При втыкании булавок следовало петь: «Не свечку я ныне булавкой пронзила — / Я сердце <имя возлюбленного> булавкой пронзила. / Теперь не придется скучать мне одной — / Придет он ко мне и побудет со мной...» Рассказывали, разумеется, с целью убедить окружающих в действенности данного средства, что возлюбленный непременно явится после того, как свеча догорит (вариант: догорит до булавок, то есть до того места, куда они воткнуты): «.. Он (возлюбленный) пришел к девушке, потому что не мог ничего с собой поделать; он был в дурном расположении духа и сказал девушке, что сразу догадался о ее дьявольских делах. И вот теперь он терпит неопишемые муки, и будь он проклят, если еще когда-нибудь он скажет ей хотя бы слово» (там же). Понятно, о каких дьявольских делах идет речь, так как описанные действия со свечой легко соотносить с известным колдовским ритуалом, когда восковую фигурку, сделанную на конкретного человека, протыкали в тех местах, в которых живой адресат должен был испытывать сильные боли. Подобные восковые фигурки применялись также «на смерть» адресата. Остается добавить, что последствия, которые ждали тех, у кого находили «вещественные доказательства» проведения такого ритуала, были хорошо известны средневековой Европе.

⁴⁵ Цит. по: *Цеханская К. В.* Икона в жизни русского народа. С. 177—178.

⁴⁶ Русская частушка / Предисл. и отбор текстов С. С. Жислиной, Н. П. Рождественской. М., 1956. С. 159.

⁴⁷ *Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894. С. 10.

и жених выпьют...»⁴⁸ Именно в это момент невеста могла сделать попытку остановить уже начавшийся свадебный процесс, стараясь *потушить свечку*, зажженную отцом под иконами: «Батька свицку зажигает. А невеста бросала рукотерником, свиснет и потушит...»; «Отец, сват Богу молятце. Невеста когда бросает фаткой в свечку — как неохота [замуж идти], чтобы не молился...»⁴⁹

Этот интересный факт, когда у невесты, если жених не нравился, была возможность остановить действие — *погасить свечу*,⁵⁰ был, по-видимому, достаточно распространен, так как фиксировался не только на Северо-Западе, но и в центральных районах России, например в Костромской губернии: «...если девушку выдавали замуж вопреки ее воле, она плакала и просила не выдавать ее и *не зажигать свечи* перед образом. Случалось даже, что подбегала к переднему углу и *гасила свечу*. Однако „дело уже порешили“, свечу зажигали снова...»⁵¹ (данные АРЭМ). Подобное действие невесты на сговоре выглядит обоснованно, так как фактически повсеместно сговор расценивался как «точка отсчета», с которой начинался обряд перехода и для невесты, и для жениха, соответственно зажигание / угашение свечи приобретало особое значение. И причеты невесты, начинающие, как правило, звучать с «запоручивания», содержат ту же просьбу: «...Мой кормилец-от батюшко! Не засвещивай, батюшко, ты свець-то воскувые...» Просьба к отцу «не затепливать» («не засвечивать») «божьей» свечи («воскову свечу ярую») содержится также в плачах невесты в Тверской⁵² и Пермской⁵³ губерниях. Но важно также и то, что из обеих ранее приведенных записей (из губерний Вологодской и Костромской) очевидна тщетность попыток загасить свечу и остановить сговор: «...а и так помолятце и завешивают — невесте не пересилить батька!».⁵⁴

Стоит отметить, что там, где был в ходу обычай «место глядеть», в частности в Вологодской губернии, невесту «запоручивали» со *своей* свечой: «В Никольском у. (...) когда родители девушки соглашались выдать свою дочь замуж, то ее мать, приехав „смотреть место“ в доме жениха, делала три поклона перед иконами, затем передавала своему мужу платок с головы невесты. Он *зажигал свечу* перед божницей, молился и закрывал платком рыбный коровай, привезенный из дома невесты. С этого момента девица считалась невестой, а в народе говорили, что ее „запоручили“»⁵⁵ (данные АРЭМ).

После моления обычно происходило «закрывание» невесты. Закрывание лица (а то и всей фигуры) невесты подчеркивает ее переходный статус («закрывание» — исход души и смерть) и символизирует временную смерть: в некоторых славянских традициях (в болгарской, например) невеста после «закрывания» переставала говорить; там же, где было принято причитывать, она неизменно жаловалась на жесткое ограничение ее и в движении, и в речи, и в возможности видеть окружающий мир. С другой стороны, закрывание лица невесты предохраняет ее от «злого» взгляда, а других — от опасного взгляда самой невесты. Просватанная невеста не могла выходить из дома без покрывала,

⁴⁸ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский р-н Вологодской обл.). М., 1985. С. 33.

⁴⁹ Там же. С. 34 (Волог., Илеза); ср. с записью с территории русской Карелии: на рукобитии, после «думь», отец невесты *зажигал свечу* перед иконами в знак согласия. Если девушка все же не соглашалась обручаться с парнем, то она *задувала свечу* со словами: «Кормил до сих пор, корми и дальше» (Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. С. 150 (карел.)).

⁵⁰ Сулцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 76 (Олонец).

⁵¹ Цит. по: Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. С. 178—179.

⁵² ФА РАН, ф. 134, оп. 2, № 169.

⁵³ Даль В. И. Песни, собранные писателями // Литературное наследие. 1968. Т. 79.

⁵⁴ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба... С. 34.

⁵⁵ Цит. по: Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. С. 179.

а когда ее везли под венец, изоляция достигала апогея: поверх фаты ее нередко покрывали еще и скатертью, одеялом, кожухом и т. д. Открывание за свадебным столом на второй день свадьбы символизировало ее переход в новое состояние и обретение статуса женщины.⁵⁶

На «запоручивании» или на рукобитии, как правило, родители благословляли молодых иконой, хлебом и опять-таки свечами: в рукописном сборнике второй половины XVII в. говорится, что «вокруг голов молодых волхвуют *обведе-нием свеч* и троекратным прикосновением [ими] к голове».⁵⁷

Есть также свидетельства, что в XIX в. в некоторых местах будто бы проводилось и благословение иконой самих родителей жениха и невесты. Так, в Вологодской губернии это происходило перед сговором, для чего они собирались в доме невесты: родители с обеих сторон вставали рядом и наклоняли головы. В это время один из ближайших родственников брал с божницы икону, *зажигал восковую свечу*, прикреплял ее к образу и трижды обносил против солнца (скорее всего, ошибка в записи, вместо посолонь. — А. Н.) вокруг будущих родственников. В тот же день затем совершалось рукобитье: вновь *зажигали свечу* перед образами и молились, потом родители молодых, иногда и крестные, подавали друг другу руки в знак данного ими обещания породниться между собою. В то время когда руки были соединены, кто-нибудь из родственников брал икону (иногда хлеб и соль) и трижды обносил иконой по воздуху соединенные руки⁵⁸ (данные АРЭМ).

В той же Вологодской губернии практиковалось так называемое освещение молодой (в сущности, это те же смотрины), когда жених и его родственники осматривают невесту как товар: *со свечой* в руках они разглядывают ее шею, руки, уши, предлагают пройти по комнате, чтобы узнать ее походку, и т. д.⁵⁹ Иногда «освещение» походило скорее на ритуальное освящение (=очищение): жених, взяв *свечу*, *три раза поворачивает кругом* невесту, *освещая ее огнем*, затем отдает невесте свечку, которую она относит, и, возвратившись, становится рядом с женихом.⁶⁰ В Архангельской губернии жених обводил *зажженными свечами* три раза вокруг лица невесты, и только после этого целовал ее. Н. Ф. Сумцов считал, что «освещение молодой» указывало даже не на принятую в старину покупку невесты, а на еще более древнюю традиционную форму экзогамии, составлявшую основу свадьбы, — похищение невесты, и в подтверждение приводит фрагмент обрядовой песни (Угорская Русь), которую пели для свекрови, когда молодую привозили в дом мужа: «Свети, мамко, свети, / Штось ме ти привели, / Ци вивцю, ци ягничку, / Ци красну молодичку?»⁶¹

Как правило, уже после рукобитья, когда дело доходило до изготовления свадебного хлеба, свечи продолжали использовать как в апотропеической, так и в очистительной (освящающей) функции. Н. Ф. Сумцов отмечал, что на Украине и в Галиции было принято *втыкать одну или пять сложенных вместе и зажженных свечей в коровай* (то же у П. П. Чубинского: «... в большую, находящуюся посередине коровай шишку втыкают пять слепленных вместе свечей (восковых) или обтыкают ими вокруг коровай, зажигают их и вместе с короваем сажают в печь») или в тот хлеб, на который клали свадебный венок. У него

⁵⁶ Славянские древности... Т. 3. С. 124. — Надевание масок, закрывание, вымазывание или раскрашивание лиц символизировало на святках природу тех существ — душ предков, нечистых духов и т. д., от чьего имени выступали ряженые. Закрывание лица было также способом контакта с потусторонним миром при гадании: на Крещение и Рождество девушка, желавшая узнать судьбу, делала маску из блина, прорезая в нем отверстия для глаз и носа (рот не предусматривался), выходила с ней на улицу и по первым услышанным ею словам пыталась угадать свое будущее (там же. С. 125, северно-рус.).

⁵⁷ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 76.

⁵⁸ Цит. по: Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. С. 178.

⁵⁹ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 28.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Там же.

же встретилось упоминание того, что *зажженную свечу* ставили также на дно квашни.⁶²

2. Девичник (=мальчишник).

Среди различных способов, использовавшихся в традиционном свадебном обряде для символического соединения (сведения вместе) жениха и невесты, было и такое: волосы жениха и невесты соединяли и *прижигали* (подпаливали) *их свечой*.⁶³ Трудно сказать, на каком этапе свадебного обрядового комплекса могло происходить такое «прижигание», но, скорее всего, основной блок ритуальных действий с волосами был сведен ко времени девичника (= мальчишника).

В песенных текстах, обычно относящихся по времени исполнения к этому этапу, отмечается «свечение волосом» (в первую очередь, это касается жениха): где жених сидит, «там не надобно свечи», так как светят его кудри, и в обрядовых песнях часто возникает параллелизм: «Что у месяца рога золоты, / И у солнышка лучи светлые; / У Ивана кудри русые — / Из кольца в кольцо испронизаны...»⁶⁴ и т. д. Н. Ф. Сумцов говорит о принятом у славян посвящении волос солярным божествам, «к чему подало повод сближение блестящих солнечных лучей с человеческими волосами», и делает сноску, указывая на то, что золочение / свечение волос у героев русских и немецких сказок проявляется как раз в тот временной момент, который может быть определен как время их вступления в брачный возраст, причем, что немаловажно, половые ограничения здесь отсутствуют («без различия пола»)⁶⁵.

Существуют свидетельства того, что свеча использовалась для «прижигания» косы невесты: «...в Овручском у. на Вольни косу [невесты] с четырех сторон *подпаливают свечой*, иногда пропуская ее при этом сквозь кольцо».⁶⁶ Н. Ф. Сумцов пишет, что полное отрезание косы невесты в славянском мире встречалось довольно редко, чаще было принято отрезание частичное, обыкновенно сопровождавшееся «продеванием пучка волос в кольцо и *прижиганием их свечой*».⁶⁷ Последнее он считает «обыкновением» для Западной России. В Великой и Малой России, как он пишет далее, обрезание или подрезание косы невесты в подавляющем большинстве случаев заменено простым расчесыванием⁶⁸ (хотя существует фиксированное свидетельство 1644 г., подтверждающее, что на территории Украины волосы новобрачным подстригали, на что указывал Д. К. Зеленин, см. выше). В уже цитированной здесь работе

⁶² Там же. С. 76.

⁶³ Славянские древности... Т. 1. С. 248.

⁶⁴ Круглов Ю. К. Русские обрядовые песни. М., 1982. С. 193.

⁶⁵ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 121. — «Вследствие сближения девичьей косы с солнечной косой первая усвоила от последней некоторые особенные ее световые свойства; так, в песнях коса является золотой и издающей сильный свет» (там же). Свечение волос обоих молодых, которое соответственно воспринимается как норма для пребывающих в пороговом состоянии, вызывает ассоциацию с выражением «светить волосом» (то есть обнажать голову, оставлять волосы непокрытыми), которое в отношении замужних женщин (не пребывающих в переходном состоянии) являлось грубым нарушением нормы. «Пускание в реку волос или всей косы — обычный в малорусской народной поэзии символ потери девственности, быть может, указывает на способ древнего жертвоприношения волос. Речная вода могла знаменовать небесную атмосферу, за пределами которой царствует солнце» (здесь скорее сплавление в мир иной, к предкам; тем более что вырий представлялся островом, где солнце отдыхает от дневных трудов, и там же пребывают души умерших и еще не рожденных; о том, что волосы связаны с загробным миром и с функцией деторождения, см.: Еремينا В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991). «Кроме солнечных божеств волосы были посвящаемы домашнему пенату, домовому духу. В последнем случае их бросали в огонь, разведенный в очаге» (ср., у чехов молодая бросает в печь три вырванных из косы волоса) (Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 121).

⁶⁶ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 278.

⁶⁷ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 120.

⁶⁸ Там же. С. 119.

У. С. Конкки приводится сноска на Ф. Туманского, писавшего о том, что ни один мужчина в здравом уме не возьмет за себя долговолосую (там же дается информация о стрижении (= выдирании, бритье и т. д.) и о прижигании волос невесты на девичнике).

С волосами жениха по сути дела проделывали аналогичную операцию. У белорусов, например, как правило, в канун свадьбы проводился обряд «за-стрыгаць маладога»: жениха «садили» на посад (на дежу), и его брат *прижигал* ему *свечой волосы* на лбу, на затылке и около ушей.⁶⁹

Интересную соотнесенность волос невесты и девичьей воли (= красоты, свободы) со светом (огнем) можно наблюдать в обряде прощания с «девьей красотой», который также приходился на время проведения девичника и маркировал пороговую стадию перехода (особенно в тех областях, где отсутствовал ритуальный баня). Например, в Костромской области девушка-подруга выносила «девья красоту» — елочку, украшенную ленточками и *зажженными свечами*, ставила на стол перед поезжанами с приговором: «Позвольте елочку принять, / По свечке погасить, / Девью красоту посеребрить...» Дружка и гости, *гася по свече*, клали под елочку деньги (дары). Унося елочку, девушка говорила невесте: «Прощай, Анна Ивановна, / Пошла дивья красота {...} Привилась дивья красота, / Ко сухому ко дереву — / Не бывать ему зелено, / А тебе, Анна Ивановна, — / В красных девушках не бывать»⁷⁰ (Нейский р-н). Н. Ф. Сумцов также упоминает о прощании на девичнике с «девьей красотой» — украшенной елочкой, но дает только начальную стадию обряда: «В Ярославской губ., когда девушки идут к невесте на девичник, одна из них впереди несет елку, искусно убранный цветами и лентами, называемую „дзевья красота“. Вошедши в комнату, елку ставят в горшок и на вершину прикрепляют *зажженную свечу...*»⁷¹ (на завершающей стадии, если судить по ранее приведенному описанию из Костромской области, свечу непременно должны были загасить).

В Вологде в свадебный день было принято выводить невесту «перед столы», что являлось чуть ли не самым торжественным моментом свадебного дня, потому что невеста здесь впервые показывалась принародно жениху во всем великолепии свадебной «скруты».⁷² По завершении торжественной части обряда, когда невеста «поглянулась», жених ее поцеловал и все присутствующие испили поднесенного пива или вина, невесту закрывали поверх шали, которой она завешана, еще и фатой. И тогда она причитывала: «...простояла я, девица, цестну дивью-ту красоту...» Фактически во всех вариантах этого причета — гореванья по своей потерянной «дивьей» красоте — невеста просит кого-нибудь из родных (называются отец, мать, сестра, божатка, подружки) засветить «свечи» и воротить назад ее красоту... и только после этого причета она уходит к

⁶⁹ Славянские древности. Т. 1. С. 255. — Ср. с бритьем и подстриганием жениха в Восточной Болгарии: в субботу вечером в присутствии всех родных, при полном молчании и при двух помощниках *с горящими свечами в руках* деверь или парикмахер брил жениха и подстригал ему волосы (там же. С. 261, Котел). К сожалению, использованные источники в ряде случаев не дают возможности представить полную картину, которая помогла бы определиться с символикой использования свечи в свадебных обрядах и ритуалах. Так, например, почему в упомянутом болгарском обряде помощников было именно двое, и сколько свечей каждый из них держал в руках? Согласно различным свидетельствам количество задействованных в обряде свечей явно не могло быть случайным. Известно, например, что у краковских поляков во время очепин невесты держат в руках *три зажженные свечи...* Но кто держит, и сколько таких держащих? И почему именно три свечи? Если вспомнить примету на смерть, в которой тоже фигурируют три одновременно горящие свечи, то какое значение имело это число в данном случае? Эти вопросы требуют ответа.

⁷⁰ Гвоздикова Л. С., Шаповалова Г. Г. «Девичья красота» (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской областей) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 268—269.

⁷¹ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 137.

⁷² Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба... С. 131.

себе: «Засвети-ко, божатушка, / две свечи-те воскувые, / Третью — свицьку-ту сальную / Четверту — лампу хрустальную./ Разышчы-ко, божатушка, / Цесну дивью-ту красоту...»⁷³ Понятно, что упоминаемые в причете свечи являются лишь художественным приемом (поиск пропажи с огнем), но привлекает внимание довольно устойчивое в вариантах количество свечей — за редким исключением (таковым как раз является приведенный выше фрагмент) речь идет о трех зажженных свечах (обычно «стерлиновых», то есть стеариновых, реже восковых, и только в одном варианте встретились «свечи воску ярово»), к которым добавляется еще одна (обычно «сальная»), и последней просят зажечь лампу.

У южных славян, у которых важным ритуальным действием являлось изготовление свадебных венков для молодых, их плетение обязательно происходило со свечой: «...сербы Тимока плетут свадебные венки *при зажженной свече* возле дома жениха, там, где хранятся дрова».⁷⁴ Еще более интересные параллели с погребальными ритуальными действиями возникают, когда выясняется, например, что у сербов Воеводины венок невесты представлял собой тонкий обруч из воска⁷⁵ (приходят на память принятые в ряде русских локальных традиций «свечи колечком», которые вкладывались в руку умершим невестам и жившим в гражданском браке (невенчанными) женщинам с надеждой на достижение ими в посмертной жизни нормального состояния, то есть обретение статуса замужних женщин).

В окрестностях Нового Пазара сербы вместо венца во время венчания использовали особый головной убор из льняной ткани, покрытой воском («воштаре»), такие шапочки должны были защищать молодых от всего нечистого, поскольку делались из натурального воска.⁷⁶ Что касается русской традиции, здесь о защитной функции воска как для невесты с женихом, так и для всего свадебного поезда, приехавшего забирать невесту к венцу, упоминала М. М. Громько: после благословения жениха с невестой ее родителями дружка «отпускал свадьбу» — «...он налеплял воск на волосы людям и гривы лошадям свадебного поезда и обходил его трижды с иконою».⁷⁷

3. Венчание.

Свечи, горящие во время венчания, фактически у всех славян в той или иной степени выполняли прогностическую функцию. По горению венчальных свечей судили о долговечности и счастье заключаемого брачного союза, о жизни и смерти молодых:

— если у жениха или невесты *погаснет* под венцом свеча, это предвещает ему или ей скорую смерть (общеслав.); конкретнее: если венчальная свеча выпадет из рук или погаснет, что возможно при обходе аналая, то венчающийся скоро умрет (рус.);

⁷³ Там же. С. 142 (тексты вариантов — с. 140—143).

⁷⁴ Славянские древности. Т. 1. С. 323. — Привлекает внимание пояснение, что иногда, как это было принято в более древние времена, плетение приурочивается к новолунию.

⁷⁵ К сказанному можно добавить, что в некоторых районах Сербии тонкие, свертываемые в кольцо свечи, по сути дела представляющие собой вощенные шнуры, использовались с давних пор и продолжают использоваться в традиционной ритуальной практике. Так, например, в районе Пирота известно «венчане церкви» (венчание церкви) — ритуальное *опоясывание церкви свечой* (вощеным шнуром), символизирующей брачный венец (Славянские древности. Т.1. С. 332); а в другом месте (Старый влах) исцеление от болезни осмыслялось как венчание болезни с *вербой*: «Венчах своју болетницу на врбицу» [Я обвенчал свою болезенку с вербочкой]. При этом на вербу ставили *зажженную свечу длиной, равной окружности головы больного* (там же, с. 335).

⁷⁶ Славянские древности. Т. 1. С. 442. — По некоторым данным, в средневековой Англии провощенный холст традиционно использовался в качестве савана или погребальной пелены.

⁷⁷ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 372. — Этот воск, как указывает далее М. М. Громько, дружка запасал на весь год со свечей, горевших в храме во время Пасхальной заутрени, то есть со «христовских».

— у кого *первого* из молодых *свеча погаснет*, тот первым умрет; вариант: у кого из стоящих под венцом сторит *больше свечи*, тот и умрет раньше, а у кого свеча длиннее останется или у чьих дружек, тот долее проживет (вост.-слав., луж., болг.-банат.);

— кто из молодых *выше держит свечу*, за тем и *большина*, то есть каждый из новобрачных старается *поднять* свою *свечу* повыше другого, чтобы достичь власти над супругом и главенства в семье (рус.).

О том, какова будет супружеская жизнь стоящих под венцом, судили по пламени венчальных свеч:

— *яркое пламя* подвенечных свеч сулит счастливое супружество, хорошую, «светлую» жизнь (Вологод., Мазов.), веселую (белор., Харьков.);

— *ровное пламя* обещало и жизнь ровную (Арх.), долгую (Мазов.);

— когда свечи *горят тускло*, жизнь новобрачных будет печальная (рус.), вариант: *тускло* и *неровно* горящие свечи обещают молодым жизнь бедную;

— иногда не только *потухшая*, но и *неярко горящая* во время венчания свеча предвещает вдовство;

— *трескучее* пламя — к долгой жизни или к ссорам, разладу в семье (укр. Закарпатья, белор. Витеб.); вариант: если свеча *трещит*, молодых ожидает беспокойная жизнь из-за старших в доме (рус. повсем.).

Наконец, с помощью венчальных свеч пытались не только определить будущую супружескую жизнь, но и повлиять на нее, подкорректировать: молодые старались *задуть их разом*, чтоб жить вместе и умереть вместе (рус.); кроме того, было принято хранить венчальные свечи на божнице за иконой (или перед нею), и не только потому, что их важность и ценность для семьи были велики, но считалось, что это необходимо для того, чтобы хорошо жить в браке (Олонец).⁷⁸

Венчальным свечам приписывали не меньшую магическую силу, чем свечам богоявленским (есть свидетельства, что в XVIII в. было принято зажигать венчальные свечи богоявленской свечой)⁷⁹ и пасхальным: их зажигали не только во время грозы или пожара, но и во время трудных родов, а также у изголовь умиравшего, если он долго мучился в предсмертной агонии, использовали при поминовении и в гаданиях; иными словами, венчальные свечи были символом, связующим миры. Но если огонь в традиционном сознании был в принципе связан с жизненной силой, то огонь венчальной свечи связывался непосредственно с жизненной силой и жизненным циклом того самого человека, для которого он был зажжен в церкви перед алтарем. В связи с этим стоит упомянуть особый магический прием, которым могли воспользоваться новобрачные, чтобы навсегда избежать появления потомства (видимо, речь все-таки идет конкретно о невестах, хотя в тексте разграничения не делается): «...[они] будто не нарочно, гасят свечи во время венчания, в церкви, со словами: „огня нет — и детей нет”».⁸⁰

4. После венца.

Зачем при встрече молодых (от венца. — *А. Н.*) у ворот или даже «в воротах» (укр.) дома новобрачного раскладывали огонь⁸¹ (рус.) — этому объясне-

⁷⁸ Перечисленные по венчальным свечам данные см.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 199; *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. С. 766, 767; *Славянские древности*. Т. 1. С. 326, 329, 330, 331; *Мазалова Н. Е.* Народная медицина локальных групп Русского Севера. С. 64; *Кульматов В. А., Кульматова Т. В.* Русские народные приметы и поверья. С. 6, 7.

⁷⁹ *Цеханская К. В.* Икона в жизни русского народа. С. 184. — Об этом также упоминает Н. Костомаров.

⁸⁰ *Торэн М. Д.* Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996. С. 429 (Волог.). — Ср. с зажиганием венчальной свечи для роженицы с целью помочь ей быстрее и легче разрешиться.

⁸¹ *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. С. 767.

ний не требуется, так как защитная функция пылающего костра очевидна: через него переезжают невеста и весь свадебный поезд «с целью ритуального очищения невесты».⁸² Но вот в работе Н. Ф. Сумцова встретилось упоминание того, что «в XVII столетии на княжеских и боярских свадьбах подле саней невесты, возвращавшейся из церкви, несли с песнями *шесть зажженных восковых свечей*» (рус.), и функциональное значение упомянутых шести свечей, сопровождающих молодую, представляется далеко не столь прозрачным, как того хотелось бы. Н. Ф. Сумцов указывал на большую древность обычая сопровождения свадебными огнями невесты, направляющейся в дом супруга: «...обычай провожать молодую в дом новобрачного с факелами в руках был известен у древних индусов, греков, римлян и до недавнего времени еще встречался в Германии. Обычай этот выходит за пределы арийского племени, так как он был зафиксирован и у китайцев...» У римлян мальчик, у которого непременно должны были быть живы и отец и мать, нес впереди невесты зажженный факел «в честь Цереры», а общее число свадебных факелов не должно было превышать пяти.⁸³

Русская традиция, за редким исключением, не сохранила свидетельств того, что был такой свадебный чин, в чьи обязанности входила бы забота о свадебной свече или свечах, сопровождавших молодую или даже обоих молодых, хотя встречаются единичные упоминания, что венчальные свечи могли быть тяжелыми и что их мог держать (и носить за/перед молодыми?) отрок лет двенадцати, называемый «свешник»⁸⁴ (ср. с римским мальчиком, несшим факел перед невестой). Зато в украинской свадебной обрядности есть «свитілка» — девушка, которая несет свечу, и эта свеча иногда называется тройной (?) — «тройчаткой». Интересно, что «свитілка» помимо упомянутой тройчатки была вооружена свадебным мечом или саблей, рукоятку которой среди прочего (хлебной корки, калины, венка из барвинка и др.), как писал Д. К. Зеленин, обязательно «украшают две или три свечи, часто перевитые друг с другом».⁸⁵ Функцию этих свечей (двух или трех?) на оружии, с учетом также свечи-«тройчатки», которую «свитілка» должна была нести, четко определить не удастся. Возможно, они устанавливались и зажигались для защиты, так как сочетание огня и металла издревле являлось очень мощным апотропеическим средством (но свадебная сабля или меч бывали и деревянными). Или эти свечи (если их все же могли сплести вместе) знаменуют символическое слияние представителей двух родов? Или у них еще какое-то другое значение? Трудно сказать, «возможно, — считал Д. К. Зеленин, — этот обычай пришел к украинцам от римлян, где на свадьбе зажигали пять факелов...»⁸⁶ Кроме того, здесь необходимо учитывать, что функции самого свадебного чина «свитілки» в основном связываются с та-

⁸² Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 336.

⁸³ Сумцов Н. Ф. Символика славянских обрядов. С. 76. — Говоря о четном / нечетном количестве огней, Н. Ф. Сумцов приводит Плутарха, который писал, что «четное число разделимо или, что одно и то же по связи понятий, разруσιμο, нечетное неизменно. В жизни семейной четное число должно было служить обозначением уже совершенного и законченного, близкого к смерти, нечетное — обозначением совершающегося, растущего, далекого от конца...» Оттого, по мнению Н. Ф. Сумцова, древние верили, что нечетное число для людей более благоприятно. Обрядовое несение факелов перед невестой у римлян называлось «*igne accipere*» (принимать огнем), обряд, считавшийся необходимым наравне с обрядом «*aqua accipere*» (принимать водой). Древнее значение обрядового несения факелов перед невестой просматривается и в старом индийском свадебном обряде, огонь там переносили из дома невесты в дом новобрачного; молодая несколько раз обходила вокруг огня и первую пищу в доме мужа варила на принесенном, то есть своем, огне (там же. С. 77).

⁸⁴ Цеханская К. В. Икона в жизни русского народа. С. 184.

⁸⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 335. — Там же на приведенном рисунке изображен меч, его рукоятка утопает в зелени венка с двумя по отдельности установленными в этой зелени горящими свечами.

⁸⁶ Там же. С. 341.

ким свадебным моментом, как «военное» выступление рода жениха против рода невесты с целью добыть последнюю.

Обыкновение встречать новобрачных, возвратившихся из церкви, *со свечой* в руках было в ходу у части восточных славян — у русских и белорусов. Встречать должна была свекровь, и обрядовые песни подтверждают ее право на зажжение свечи для встречи молодых: «*Зажги, мати, свѣчу, / Выйди на сустрѣчу, / — Сустрѣнь свайго чаду: / Первыга паражоныга, / Другога присужоныга!..*»⁸⁷ (Смолен. губ., Шаталово). В Полесье для новоиспеченной свекрови существовали ограничения: если она была вдовой, она не могла встречать молодых, не должна была делить каравай и *сучить свечу*, в этом случае ее заменяла крестная мать.⁸⁸

То, что обычно происходило далее, в наиболее древней форме сохранил свадебный ритуал западных славян: невеста, например у поляков, входила в дом жениха с хлебом и *зажженной свечой*, принесенными из родительского дома,⁸⁹ то есть речь идет о перенесении в чужой дом и род «своего» родового огня (ср. с тем, что писал о свадебном огне Н. Ф. Сумцов).

У многих народов, в том числе это было принято и у славян, невесту после свадебной церемонии приводили к очагу, через который она переступала трижды (или трижды его обходила), чтобы стать способной к деторождению, иногда она затем ворошила угли кочергой, приговаривая: «Сколько искр — столько детей!».⁹⁰ У славян был известен прием (скорее даже гадание), позволяющий определить, будут ли у супружеской пары дети: супруги подходили к очагу, женщина держала перед собой сосуд с водой, а ее муж принимался бить по горящим поленьям, пока не начинали лететь искры; если искра падала в воду, это означало, что огонь дарует супругам ребенка. Этот ритуал перекликается со старинной английской приметой: если у хозяйки, подправлявшей угли в очаге, окажется прожжен искрой фартук (но только обязательно в той части, что выше колен), то ей в скором времени предстоит родить ребенка⁹¹ (Линкольншир). Похоже, что только в таком виде, в виде разрозненно существующих суеверий, у западных европейцев сохранились остатки преданий о зачатии от огня.

Ранее уже говорилось об имущественных запретах, касавшихся дачи и выноса «своего» огня из дома в моменты, когда семья пребывает в переходном периоде, переживая смерть, рождение или брак кого-то из своих членов. В старину у многих народов обмен огнем между семьями разной крови воспрещался из опасения осквернения. Огонь чужой семьи считался оскверняющим, приносящим с собой заразу и приводящим к экспансии чужих, а с ними и их враждебных духов. Переживания древних представлений о родовом огне, как считал Д. К. Зеленин, можно видеть и в русских имущественных запретах на свадьбе, когда сталкиваются два чужих рода. Он считал, что у восточных славян до недавнего времени сохранялись свадебные обряды с родовыми огнями, и приводил в качестве примера принятый у украинцев (Бирюч) и у русских (Урал, Далматово) ритуальный приезд жениха в дом невесты на сговор: жених приезжает в полночь, *тушит хозяйский огонь и зажигает свой*.⁹² А украинские свахи, стоя на пороге дома новобрачной, *слепляли свои свечи вместе* так, чтобы они горели одним пламенем: «На порог дома сходятся две

⁸⁷ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. С. 67.

⁸⁸ Славянские древности... Т. 1. С. 296.

⁸⁹ Там же. Т. 3. С. 382.

⁹⁰ Энциклопедия суеверий. С. 275.

⁹¹ Энциклопедия суеверий. С. 400. — С этой приметой связан местный обычай вручать невесте, входящей в дом жениха, кочергу, совок и каминные щипцы.

⁹² Зеленин Д. К. Избранные труды по духовной культуре. 1917—1934 / Сост. А. Л. Топорков. М., 1999. С. 188, 189.

свахи, со стороны жениха и невесты, — писал Д. К. Зеленин, — каждая с хлебом, солью и зажженной свечой в руках; они ставят на порог правые ноги, склеивают свои свечи, так что те горят одним пламенем, и целуются через порог. Это является символом как заключения мира, так и *объединения огня очагов двух родов...*⁹³

5. Чистота невесты.

Возможно, что именно как символ соединения двух родов, например, у словаков брачную постель принято было кропить святой водой, посыпать солью, а в изголовье (!) ставили *две скрещенные горящие свечи*,⁹⁴ а у русских горящую свечу обычно втыкали в мису или в кадку с зерном, поставленные у брачного ложа: «...ставили *свечи* в кадь с пшеницею, стоявшую у *изголовья* брачного ложа». ⁹⁵ Первая брачная ночь должна была подтвердить или опровергнуть, что род жениха принял честное родство,⁹⁶ и, кажется, только в Вологодской локальной традиции принято было первую брачную ночь проводить «чистой», «не грешить» — «чтобы овечки не переводились»: «Примета была така <...> перву ночь не знатце, штоб овечькам велось» (Верх-Кокшеньга); «Стары люди перву ночь не велят пакостить, говорят, скот не поведетце, овечки запропадают. Ты ее не тронь, и волк не тронет овцек» (Айна). Рассказывали, что на «хлибинах» над головами молодых даже зажигали свечу, «ежели они в первую ночь не грешили» (Лохта).⁹⁷

В Болгарии после брачной ночи (как это принято у южных и частично у восточных славян) огонь зажигали как в случае установления девственности невесты (в честь новобрачной), так и в случае обнаружения ее «нечестности», правда, делали это реже и главным образом с целью очищения, чтобы все зло ушло в огонь.⁹⁸ Новобрачная, оказавшаяся нечестной, становится опасной для окружающих, она наделялась символикой смерти: для нее, как и для вдовы, при перемене прически после венчания *не зажигали свечи*⁹⁹ (Волог.). В Полесье «нечестной» новобрачной *завязывали глаза* и уводили подальше от дома: в нежилое помещение, лучше на отшибе, а еще лучше в лес или на болото, чтобы жертвой ее дурного глаза¹⁰⁰ (в чем ее сразу же начинают подозревать) стали деревья, а не люди.

⁹³ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. С. 335—336.

⁹⁴ Славянские древности. Т. 1. С. 258.

⁹⁵ Костомаров Н. И. Русские нравы. (Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях и др.). М., 1995. С. 142.

⁹⁶ Помимо обеспечения способности к деторождению очень серьезным моментом на свадьбе была чистота невесты. Кажется, в древности ни одна из дев-весталок, в чьи функции входило поддержание священного огня Весты, не допускалась к его раздуванию, если теряла девственность. Вернемся по связи с этим к свече: в некоторых районах Англии и наиболее удаленных уголках Франции считалось, что если девушке удастся раздуть пламя гаснущего свечного огарка, то она — девственница, если же она не может этого сделать — значит, она утратила девственность. А жители английского Дарфуса, например, считали, что при большом пожаре в городе единственное верное средство остановить огонь — это вывести навстречу пламени немолодую женщину, которая никогда в жизни не совершала прелюбодеяния. Считалось, что помахав своим платком, она сможет погасить огонь. Этот эксперимент, должно быть, оказывался волнующим событием для многих городских мужчин (Энциклопедия суеверий. С. 400).

⁹⁷ Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба... С. 296, 378.

⁹⁸ Славянские древности. Т. 3. С. 516.

⁹⁹ Там же. Т. 3. С. 386.

¹⁰⁰ Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. С. 183. — Невеста сама по себе была существом опасным, она уподоблялась персонажам «киного» мира, и особенно все обострялось в ключевой момент свадьбы: у сербов, когда невесту привозили в дом жениха, свекровь от нее пряталась, так как считалось, что она может умереть, если увидит привезенную (босн.); у болгар опасались как момента венчания, так и момента открывания лица невесты, так как считалось, что в это время она могла слезить окружающих (Родопы); в свадебных песнях белорусов и украинцев привезенную в дом к жениху

Напоследок добавим еще несколько слов о визуальных контактах с представителями иномирья тех, кто находится на пороге заключения брака. Юноши и девушки, еще не ставшие женихами и невестами, но уже вступившие в брачный возраст, безусловно считались группой потенциально «зрящих». Именно с этой группой связывается большинство текстов мифологических рассказов, в которых происходит визуальный контакт с мертвыми или со стихийными духами. Отсюда и запреты, четко регламентирующие возможность представителей этой группы находиться в известные календарные сроки в зонах возможного контакта (пример: общеизвестный запрет на Русальной неделе молодежи брачного возраста выходить к реке или колодцу, отправляться в поле, в лес, в луга, чтобы не стать жертвами русалок, и с той же мотивировкой запрет спать днем). Следует отметить, что контроль за соблюдением указанных запретов был возложен на женщин старшего поколения. В некоторых славянских традициях присутствует своего рода императив для таких женщин: они не должны пускать молодежь (и прежде всего заневестившихся дочерей) в опасные зоны.

С другой стороны, именно эта группа оказывается активно ищущей контакта (и в том числе визуального) с представителями иного мира в известные календарные сроки — на Святки и на Ивана Купалу, то есть в периоды, когда можно получать информацию о будущем и, в частности, о будущем браке. И эти контакты поощряются, но обычно имеют жесткое ритуальное оформление. Причем помощь в расшифровке полученной информации оказывают, как правило, опять же женщины старшего поколения.

Что касается вступающих в брак, то материалы об их визуальных контактах с «иным» миром и его представителями можно легко отыскать и в обрядовом фольклоре, в большинстве случаев это прежде всего связывается с невестой (см. тексты рассказов ритуального невестиного сна в утро свадебного дня, по которому судят об ожидающей ее замужней жизни, а также тексты сиротских причитаний, связанных с бужением умерших родителей как с требованием встать, открыть «свои очи ясные» и поглядеть «на меня, молодую, да на мою сиротску горьку свадебку», так и те пассажи, где говорится о видении невестой-сиротой вызванного с погоста родителя: «Посмотрю, красна девица, / Ко повосту ко буеву: / От повоста от буюва / Што за стинь-то шатайтце, / Целовеком-то кажитце, / Ето моя жо корьминеца, / Моя родимая матушка...»¹⁰¹) (Вологод.). Их можно найти и в текстах бытовых мифологических рассказов, в которых, например, домовый беспокоит, выживает просватанную девушку, причем не только «давит» и «щиплет» ставшую чужой прежнюю любимицу, но и «смотрит» на нее, «пугает». Кроме того, принимаются и известные защитные меры — то же покрывало («фата слезливая»), занавес, за которым нередко помещается просватанная невеста, платок или рука, используемые для прикрывания глаз в традиционной для большинства европейцев позе ритуального плача, и т. д.

Подведем итоги: восточнославянский материал демонстрирует достаточно широкий набор функциональных характеристик свечи в брачной тематике.

невесту «не узнавали» — она представлялась демоническим и соответственно опасным для окружающих существом (Славянские древности. Т. 3. С. 516). Что касается представлений о дурном глазе «нечестной» молодой, то в большей или меньшей степени все славянские традиции отмечают катастрофичность для рода молодого (для дома и всего хозяйства, а также для судьбы всех живущих в доме) ее нечистоты в целом, и возможность сглаза при этом была лишь одним из проявлений этой нечистоты. Подчеркнем, что символика смерти проявляется в этих верованиях как противоположность плодородия — большинство негативных проявлений нечистоты невесты связывалось именно с этим: дети будут умирать один за другим, будет недород, начнется падеж домашней скотины и т. д.

¹⁰¹ Балаиов Д. М., Марченко Ю. М., Калмыкова Н. И. Русская свадьба... С. 213.

Большая их часть может считаться общей для славянских представлений в целом, но есть также характеристики, которые без сомнений выводят на общие индоевропейские представления.

Свеча, и это касается не только брака, но всех обрядов перехода, оказывается атрибутом, маркирующим время и пространство перехода (*регламентирующая* функция), при этом она может проявлять себя и как элемент активный, без которого переход оказывается затруднительным или вообще невозможным (*медиативная* функция). И как элемент, ограничивающий контактную зону, при этом свет свечи защищает контактирующих (*апотропеическая* функция). В ряде случаев защита носит двойственный характер — она распространяется и на находящегося в состоянии перехода, и на контактирующих с ним представителей мира живых (например, защита от «нечестной» молодой).

К апотропеической примыкает функция *очистительная*, когда огонь свечи (реже, свет) или свечной воск используются для очищения как самого находящегося в состоянии перехода, так и пребывающих с ним в контакте (примеры: «освещение невесты», благословение родителей).

Как особую функцию свечи, принадлежащей семье (роду) невесты / жениха, следует обозначить функцию *маркирующую*, когда принесенная с собой свеча (некогда, видимо, зажженная) обозначала «свой» (родовой) огонь: примеры — зажигание «своей» свечой лампы в доме жениха по ритуальному «глядению места» родичами потенциальной невесты; новоиспеченная молодая зажигает «своей» свечой огонь в печи родительского дома молодого; ритуальное соединение свахами огня обоих родов и т. д.

С представлениями о «своем» огне (= и о «своей» свече) надо рассматривать и *продуцирующую* функцию огня свечи в брачной тематике. В восточнославянской традиции она оказалась ослабленной, хотя сохранившиеся фрагменты верований («сколько искр [от огня очага] — столько деток») и некоторые ритуальные действия (например, угашение венчальных свечей — «огня нет и детей нет») позволяют говорить о достаточно сильной прежде позиции данной функции.

Зато *прогностическая* функция свечи и огня свечи здесь представляется не только весьма разработанной, но и хорошо сохранившейся у всех восточных славян как в отношении венчальных свечей, так и в обширном пласте гаданий и примет на брак. В одних случаях главным для толкования является сама свеча и то, что происходит с ее «телом» или «рубашкой»; в других — внимание сосредоточивается на пламени свечи, на том, как она горит; в третьих — значение приобретают действия, производимые со свечой/свечами во время гадания.

Свеча в ритуальных или обрядовых действиях, связанных с браком, может выступать и в качестве *замены* или *двойника* как гадающего (приснившаяся гадающей поставленная седьмая свеча — сама она оказывается седьмой в большой мужниной семье), так и жениха/невесты (примета: если во время венчания у одного из брачующихся гаснет венчальная свеча — верный знак, что вскоре «угаснет» и он сам).

Функциональные особенности свечи могут находиться в прямой зависимости от следующих факторов:

а) условия ее изготовления (время, материал, идущий как на корпус (например, воск), так и на фитиль (лучший лен), размер (нарезанная на части или разломленная свеча, «рублевая»/«грошовая», в четверть локтя, по окружности головы и т. д.), цвет («воску ярого»), форма (например, колечком) и др.);

б) нецерковная (сальная, стеариновая) свеча/церковная (= восковая) свеча и момент ее освящения (рождественская, богоявленская, сретенская, страстная («страшная»), венчальная и т. д.);

в) место ее расположения во время ритуала/обряда по отношению к субъекту/объекту (на божнице, на столе, в руках, на хлебе или в зерне, в различного

рода «подсвечниках», в воде, в печи, на ритуальной свадебной сабле, на вершинке «девьей красоты» и т. д.);

г) количество, необходимое для проведения ритуала (одна, две, три, пять, шесть, семь и т. д.); кроме того, как они используются — разрозненно, скрепленными или слепленными вместе, переплетенными между собой;

д) нормальная позиция или переворачивание и зажигание с обратной стороны (с «подошвы», а не с «головы»); разламывание свечи пополам и зажигание обоих фрагментов с разлома; установление свечи на различные основы в зависимости от преследуемой цели или установление с учетом противопоставления верха/низа и т. д.;

и) качество ее горения (яркость/тусклость, пыление, мерцание, копчение, ровный свет, цвет пламени, горит/не горит и т. п.).

И все это может лишь частично пересекаться или совпадать с общеславянскими верованиями, указывая на локальную специфику функционирования свечи (как в отношении ее ритуального использования, так и в отношении проявления ею того или иного функционального значения).

Наконец, свеча (и в целом, и по ее составляющим: свет, огонь, воск, фитиль, верх/низ) может играть самые разнообразные роли в конкретных случаях визуального контакта представителей разных миров, причем использоваться контактирующими обоюдно.